УДК 323:321 DOI: 10.12737/14295

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЭТАТИЗМ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Дорофеев А.В.[1]

В статье анализируются процессы этатизации государственной власти в странах развивающейся демократии. Автор придерживается точки зрения, что в политической практике современных стран существует демократический тип этатизма. Автор приходит к выводу, что наличие этатистских тенденций в виде усиления государственного контроля процесса принятия политических решений, государственного регулирования блока социально-экономических отношений и т.п. не противоречит демократическому вектору общественного развития, а синтез декларируемых демократических ценностей и этатистских реалий позволяет выделять демократический тип этатизации как одну из разновидностей современного этатизма. Основными критериями отличия демократического этатизма от других разновидностей последнего, по мнению автора, являются наличие конституционно закрепляемых принципов народовластия, а также фактические масштабы государственного вмешательства в общественную жизнедеятельность.

Ключевые слова: государственная власть, демократическое развитие, общественно-политическая стабильность, эффективное государственное регулирование, либерализм, консерватизм, этатизм, общественное благо.

DEMOCRATIC ETATISM AS A WAY OF ORGANIZATION OF STATE POWER: MAIN FEATURES

DOROFEEV A.V. – Postgraduate student of the Department of Political Science and Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Orel branch (Orel, Russian Federation); e-mail: vestniksrvon@mail.ru

The article analyzes the processes of etatization of public authorities in countries with emerging democracy. The author has the view that there is a democratic type of etatism in political practice of modern democratic countries. The author concludes that the presence of etatistic tendencies in the form of increased state control of the process of political decision-making, government regulation of the unit of social and economic relations, etc. is not contrary to the democratic vector of social development; but the synthesis of declared democratic values and etatistic realities allows to select the type of democratic etatization as one of the varieties of modern etatism. The main criterion for distinction of democratic etatism from other varieties, according to the author, is existence of constitutionally set principles of democracy, as well as actual extent of state intervention in public life.

Keywords: state power, democratic development, social and political stability, effective state regulation, liberalism, conservatism, etatism, public well-being.

Сегодня в странах, стоящих на пути движения к демократии и институционально ее утверждающих, возникает проблема устойчивого развития в рамках таких демократических принципов как политический и идеологический плюрализм, свободная рыночная экономика, независимость СМИ и т.п. Нерешенные социально-экономические трудности, особенности

Дорофеев Аркадий Валентинович – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Орловский филиал, аспирант кафедры политологии и государственной политики (Российская Федерация, г. Орёл), e-mail: vestniksrvon@mail.ru

национального политического сознания и культуры, а также неэффективность государственного управления создают препятствия, воздействие которых перечеркивает такие базовые составляющие демократии, как свободные выборы, равенство перед законом, честная конкуренция и т.д.

В прошлом созревание капитализма являлось и предпосылкой, и катализатором установления демократических форм правления. Один из уроков истории заключается в том, что, по крайней мере, рыночная экономика предшествовала возникновению демократических институтов. Эти закономерности достаточно отчетливо проявились в ходе эволюционного развития некоторых стран Азии, Южной Европы и Латинской Америки, прошедших через фазу авторитарного правления, ускорившего создание эффективных рыночных экономик, способствовавших затем политической демократизации. Развитие некоторых из них, особенно в Латинской Америке, доказывает возможность существования на переходном этапе некой «гибридной» политической системы, характеризующейся сочетанием авторитарных и демократических тенденций[1].

С начала 90-х годов схожие тенденции присутствовали почти во всех посткоммунистических странах. Сравнительные опросы тех лет в общенациональных масштабах показывали, что треть населения Центральной и Восточной Европы предпочитала избавиться от парламента и выборов и иметь сильного лидера, который бы быстро решал стоящие перед обществом проблемы. Безусловно, интенсивность подобных настроений находилась на разном уровне, и доля людей, поддерживавших этатистские тенденции колебалась, например, от 16 и 18% в Чешской Республике и в Венгрии до 30 и 35% в Польше, до 42 и 45% в Словении и Болгарии[2]. Однако фактом является то, что авторитарные настроения приобретали массовый характер, и их усиление стало общей тенденцией.

Согласно социологическим данным, эта тенденция проявилась наиболее отчетливо в ряде независимых государств, возникших на территории бывшего Советского Союза. Так, Россия, Украина и Белоруссия находились в "первых рядах" среди посткоммунистических стран по доле населения, одобряющего идею усиления государственного регулирования и установления режима "твердой руки" (43, 56 и 57% соответственно)[3]. Эти идеи стали возникать в массовом сознании после того, как многие политики и эксперты обратились к их серьезному обсуждению. Действительно, как показывает опыт развитых стран 30– 60-х годов, тенденции этатизации политического развития позволяли восстановить порядок в обществе и взять процесс экономических и социальных преобразований под жесткий контроль, что, в свою очередь, обеспечивало политическую стабильность общества и, следовательно, способствовало осуществлению рыночных реформ, необходимых для улучшения экономического положения страны, и утверждению демократической формы правления. Таким образом формировался тип модернизации, в котором могли гармонично сочетаться как механизмы эффективного государственного регулирования, так и демократические основы развития государства и общества.

Исходя из этого, имеет смысл говорить о существовании на практике демократического типа этатизации, базовые принципы которого сформированы отчасти в социально-либеральной идеологии второй половины XX в., в которой, в свою очередь, осуществлен синтез консервативной и либеральной концепций.

Так, еще Энгельс обращал внимание на то, что «всестороннее вмешательство правительства охватывает два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными

[1] Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического откатаю // Pro et Contra. – Т.8.– 2004. – №3. – С. 36-55

[2] Европа-Россия: основные направления социального развития в XXI веке. – М., 2000. – С. 20.

[3] Там же.

массами»[1]. Следовательно, государство также выполняет функции, необходимые для обеспечения нормальной жизнедеятельности общества (поддержание правопорядка, создание условий для экономической стабильности и развития науки и культуры, материальная поддержка малообеспеченных слоев населения и т.д.)[2].

Схожие идеи присутствуют и в трудах русских исследователей. Так, к примеру, сущность «охранительного либерализма» Б. Чичерина[3], состоит в примирении начал свободы с началами власти и закона, по принципу «либеральные меры и сильная власть». Либеральные меры предоставляют обществу самостоятельность в деятельности, обеспечивают права граждан, сохраняют свободу мысли и свободу совести. Сильная власть, блюстительница государственного единства, как он пишет, связывает и сдерживает общество, охраняет порядок, строго надзирает за исполнением закона, пресекает всякое ею нарушение и внушает гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука, которая сумеет отстоять общественные процессы против напора анархических стихий и против реакционных сил[4].

Другими словами, развивая идеи свободы человека как носителя абсолютного начала, Б.Чичерин обосновывает смысл права, не сводимого ни к общественному договору, ни к произволу законодателя, так как в его основе лежат естественные права человека на жизнь, свободу и собственность. Эти требования, закрепленные в системе законов, составляют гражданские свободы и обеспечивают равные права для всех граждан. А государство корректирует конкурентные принципы гражданского общества, компенсируя реальное неравенство отдельных социальных групп, сословий, граждан, и сглаживает противоречия между ними. Государство, которое есть высшая форма организованного человеческого общения, которое в определенном смысле можно рассматривать как «страховой полис нации», есть сила, стоящая над классами и сословиями, приводящая враждующие силы к согласию, обеспечивающая общественное благо, когда само стремление к частным интересам служит достижению общественных целей. Поэтому и реформы должны осуществляться «сверху», поскольку только государство, стоящее на страже общественного интереса, может провести их средствами, исключающими произвол, нарушение законности и т. д. Государство, таким образом, является органом общества в целом и призвано корректировать исторический процесс, устраняя искусственные препятствия на его пути.

Таким образом, наличие в обществе либеральных ценностей и свобод есть результат функционирования государства как органически, естественным образом выросшей на основе потребностей общества формы человеческого существования, т.е. этатизация в демократическом обществе – это не столько ограничение последнего, сколько инструмент и механизм его развития.

Вопросом о цели этого планомерного общественного развития, в котором и проявляется сущность государства, задавался, например, С. Франк, указывавший, что ответ на этот вопрос содержит две крайние позиции, которые он называет «отрицательной и положительной теорией государства»[5].

Либерализм как воплощение «отрицательной теории» государства считает, что главной его целью является охранение спокойствия и безопасности, внешней упорядоченности общественной

[1] Маркс К., Энгельс Ф.. Сочинения. Тома 1-39. – М.: Издательство политической литературы, 1955-1974 г.г.– Т. 25. – Ч. I. – С. 422.

[2] Гомберт Т.. Блезиус Ю.. Крелль К.. Тимпе М. Курс социальной демократии. Ч.1.// Основы социальной демократии. –М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 75

[3] Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Общественные науки и современность. – 1993. – №3. – С.117-121.

[4] Ступникава М.Н., Федотов А.С. Либерально- консервативная концепция государства и Россия // Власть. - 2005. – №6. – С.67

[5] Франк С.Л. Духовные основы общества: Сборник /С. Л. Франк; Сост. П. В. Алексеев. – М.: Республика, 1992. – С. 127

жизни. Взгляд на государство как на «ночного сторожа» вытекает, по мнению С. Франка, из индивидуалистического воззрения, согласно которому свобода в отрицательном смысле нестесненности личного своеволия и самоопределения «есть идеал общественной жизни, всякое же объединение есть чисто внешний, механический акт, имеющий задачей устранить или ослабить трения и опасности разрушения, возможные при свободном взаимодействии личностей. Государство в рамках либерализма, таким образом, понимается как некий внешний «покров», не имеющий внутреннего органического отношения к обществу, мыслимому исключительно по типу гражданского общества как свободного взаимодействия личностей[1].

Государство органически произрастает изнутри, а не накладывается извне, как и гражданское общество. Поэтому этатизм – это не только контроль и ограничение, но также строительство и формирование. Государственное регулирование не должно уничтожать и ограничивать индивидуальную свободу, рассматривая спонтанность общественных отношений как неизбежное зло (положительная теория государства). Государство не может существовать без своей естественной основы - гражданского общества. Границы этатизации, таким образом, предопределены наличием и качеством самого гражданского общества.

И здесь, поэтому нужно четко видеть права и границы допустимой деятельности человека и государства, видеть те условия, при которых они сотрудничают, а не противостоят и при которых человек остается свободным, при том, «что единственная прочная основа свободы есть государственный порядок, поддерживаемый сильной властью»[2]. Все значимые проблемы решаются при помощи государства. Этатитизация в рамках демократического развития позволяет избежать в переходные периоды катастрофических результатов. Таким образом, стоит задача создания такой формы государства, которая способствовала бы укреплению веры людей в собственные силы и одновременно гармонизировала бы интересы всех слоев общества. Для социально-либерального подхода главное состоит в достижении не экономической, а социальной эффективности на основе артикуляции местных средств и ресурсов в достижении значимых общественных целей, в этом и заключается важнейший исходный момент социального либерализма.

Его ценность в том, что он переработал либеральную парадигму в части ее идей и принципов, имеющих общецивилизационное значение, на почвенном материале, с учетом конкретных нравственных идеалов, исторически сложившегося культурного опыта, в полном соответствии с явными и патентными ценностными установками национальной культуры[3]. Все это обеспечивалось комбинированием в различных пропорциях таких культурных ориентиров, как универсальный прогресс и национальное развитие, свобода и ответственность личности, общественная самодеятельность и этатизм, общечеловеческие и национальные светские и религиозные ценности.

Таким образом, можно выделить следующие принципы демократического типа этатизации как модели организации государственной власти:

- незыблемость естественных права человека на жизнь, свободу и собственность;
- политический и идеологический плюрализм;
- государство как органическое, эволюционное порождение общества;
- государство не цель развития общества, а инструмент и гарант общественного развития.

---

[1] Ступникава М.Н., Федотов А.С. Либерально-консервативная концепция государства и Россия // Власть. – 2005. – №6. – С.67

[2] Ступникава М.Н., Федотов А.С. Либерально-консервативная концепция государства и Россия // Власть. – 2005. – №6. – С. 72

[3] *Тюрин Е.А, Савинова Е.Н.* Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности // Власть. – 2015. – №4. – С. 195-200

Что же касается характера современных демократических преобразований, то попытки оценить достигнутый третьей волной демократизации прогресс иногда отклоняются, как преждевременные. Из почти 100 стран, относящихся к так называемым «переходным», только относительно небольшое число – вероятно, меньшее 20 – успешно продвигаются по пути становления хорошо функционирующих демократий или, по крайней мере, достигли определенного прогресса в демократических преобразованиях и сохраняют положительную динамику. Лидируют в этой группе страны Центральной Европы и Балтийского региона – Польша, Венгрия, Чешская Республика, Эстония и Словения, – хотя в ней есть несколько государств Южной Америки, прежде всего – Чили и Уругвай. Группа стран, которые достигли несколько меньшего прогресса, но, очевидно, все еще продвигаются вперед, включает Словакию, Румынию, Болгарию, Мексику, Бразилию, Гану, Филиппины и Южную Корею[1].

Однако большинство стран третьей волны так и не пришли к хорошо функционирующей демократии или, очевидно, не развивают и не углубляют прогресса, пусть даже незначительного, достигнутого на начальном этапе. В нескольких государствах первоначальное политическое открытие явно потерпело неудачу, авторитарные режимы снова укрепились. Так произошло в Узбекистане, Туркмении, Белоруссии и Того. Большинство же «переходных стран», однако, не являются ни диктаторскими, ни безусловно продвигающимися к демократии. Они вступили в политическую серую зону[2]. Эти страны обладают некоторыми признаками демократизации политической жизни, включая, по меньшей мере, наличие ограниченного политического пространства для существования оппозиционных партий и независимого гражданского общества, а также регулярные выборы и демократические конституции. Но при этом для них характерны слабое представительство интересов граждан, низкий уровень политического участия, не выходящего за пределы голосования, частые нарушения законов должностными лицами государства, сомнительная легитимность выборов, почти полное отсутствие доверия общества государственным институтам и устойчиво низкая институциональная эффективность государства.

Практика современного государственного строительства позволяет современным исследователям вычленить из всей совокупности политических систем, такие, которые трудно вписываются в общепринятую триаду Демократия – Авторитаризм – Тоталитаризм. Политические режимы, при которых руководители побеждают на относительно свободных выборах, получили разные определения: электоральные, виртуальные, нелиберальные, делегированные, властные, частичные, направляемые или неполные демократии, конкурентные или гибридные авторитарные. Количество стран, оказавшихся между прямой диктатурой и установившейся либеральной демократией, драматически выросло. Чтобы как-то охарактеризовать их, политические аналитики предложили множество терминов «неполной демократии», включая такие, как «полудемократия», «формальная демократия», «электоральная демократия», «фасадная демократия», «псевдодемократия», «слабая демократия», «частичная демократия», «нелиберальная демократия» и «виртуальная демократия»[3]. Некоторые из этих терминов, такие как «фасадная демократия» и «псевдодемократия», применяются только по отношению к достаточно определенному подмножеству стран серой зоны. Другие понятия, например, «слабая демократия» и «частичная демократия», используются намного шире. Как бы ни были интересны эти термины, особенно в контексте аналитических исследований, вроде работы О'Доннелла по «делегативной

[1] Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – №2. – С. 17
[2] Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. – 2003. – №2. – С. 46
[3] Красин Ю.А, Российская демократия: коридор возможностей // Полис. - 2004. – № 6. – С. 110

демократии»[1], они разделяют ответственность следующего рода: описывая страны в серой зоне как некие типы демократических государств, аналитики в действительности пытаются применять парадигму перехода к тем самым странам, политическое развитие которых ставит эту парадигму под сомнение. Большинство терминов «неполной демократии» используется для того, чтобы охарактеризовать страны как застрявшие на одном из предполагаемых этапов демократизации. Эти по-разному определяемые варианты демократии и авторитаризма создают концептуальную путаницу. Упомянутые варианты подразумевают, что подобные общественно-политические системы развиваются, соответственно, в направлении либо демократии, либо авторитаризма. Вместе с тем очевидно, что некоторые из вновь возникающих политических систем чем-то отличаются как от демократии, так и от авторитаризма. Общее для таких режимов – настойчивые утверждения об «особом пути» нации и неоднозначный отклик на разнообразие, сопровождающее глобализацию. Они пытаются одновременно и поддерживать, и ограничивать разнообразие. Такую систему Х. Балзер, профессор политологии Джорджтаунского университета (США, определяет как управляемый плюрализм[2].

Согласно данной концепции, власть не предписывает единой государственной идеологии, скорее, государство ограничивает те идеологии, которые слишком уж выделяются либо угрожают власти. Управляемый плюрализм не требует однопартийной политической системы: государство стремится ограничить участие в политической жизни лишь тем партиям, которые могут поставить под сомнение определенные политические решения либо бюджетные приоритеты, но не способны эффективно противостоять руководству. Средства массовой информации не подвергаются прямой цензуре, но существуют механизмы, заставляющие их понимать свою ответственность: они вольны критиковать, но при необходимости их можно приструнить, используя разные меры экономического и физического давления. Малотиражные издания и Интернет становятся отдушиной для интеллектуалов, но телевидение и радио вынуждены придерживаться более строгих стандартов. Управляемый плюрализм подразумевает одновременно и поддержку, и ограничение гражданского общества. Руководители государства признают, что деятельность профсоюзов, ассоциаций бизнесменов, неполитических организаций (НПО) и других субъектов гражданского общества необходима для страны, конкурирующей в условиях глобальной экономики и на рынке идеологического влияния. В то же время политические системы управляемого плюрализма (по мнению Балзера Х., Россия и Китай - два самых ярких примера) стремятся одновременно организовывать, регулировать и по своему усмотрению ограничивать эту деятельность[3].

Руководство системы управляемого плюрализма хорошо понимает, что удушить все независимые способы выражения и политическое разнообразие невозможно, да и нежелательно. Это явно не тоталитаризм или посттоталитарное администрируемое общество. Главное отличие управляемого плюрализма от демократии, где тоже существуют определенные границы, - отсутствие институционализации процессов для установления или изменения этих границ. Кроме того, эта система непредсказуема и не управляется никакими правилами; усиливающаяся опора на институты законности не отменяет вмешательства и произвола. Управляемый плюрализм отличается тем, что руководство, настаивая на произвольности и неопределенности его границ, в то же время не просто признает неизбежность плюрализма, но и прямо поощряет его. Таким образом, процессы этатизации согласно данной концепции есть элемент конструирования политического, экономического и идеологического пространства общества, а в равной мере и механизм построения самого гражданского общества.

[1] О'Доннел Г. Делегативная демократия // Пределы власти. – 1994. – №2-3. – С. 54-57.
[2] Балзер Х. Гражданское общество и правовое государство // Общественные науки и современность. - 2004. - №2.
[3] Балзер Х. Гражданское общество и правовое государство // Общественные науки и современность. – 2004.– №2. – С. 50-52.

В качестве вывода можем заключить, что различия темпов экономических и политических преобразований привели к появлению такого типа модернизации, в котором сочетаются как механизмы государственного вмешательства и регулирования общественными отношениями, так и демократические основы развития государства и общества. Имеет смысл говорить о существовании на практике демократического типа этатизма[1].

Демократический тип этатизма отличается наличием в его содержании импульсов как к повышению общественно-политической стабильности, так и к дальнейшему развитию общества и государства. Последнее же при данном типе организации государственной власти не претендует на всепоглощающее регулирование политического и идеологического пространств, а также общественного сознания, но при этом активно вмешивается в социально-экономические процессы с целью улучшения социального положения отдельного гражданина и общества в целом[2].

Библиография/References:

1. Балзер Х. Гражданское общество и правовое государство // Общественные науки и современность. – 2004. – №2. – С. 46 – 59.
2. Гомберт Т., Блезиус Ю., Крелль К., Тимпе М. Курс социальной демократии. Ч.1. // Основы социальной демократии. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 160 с.
3. Громыко А. Третий путь - что дальше? // Современная Европа. - 2006. - №2. - С. 62 -71
4. Европа-Россия: основные направления социального развития в XXI веке. – М., 2000. – 117 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф.. Сочинения. Тома 1-39. - М.: Издательство политической литературы, 1955-1974 г.г. - Т. 25. Ч. I. – 554 с.
6. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. – 2003. – №2. – С. 42-65.
7. Красин Ю.А. Российская демократия: коридор возможностей // Полис. - 2004. – № 6. – С.125 -135.
8. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – №2. – С.6 – 38.
9. О'Доннел Г. Делегативная демократия // Пределы власти. – 1994. – №2-3. – С. 54 – 57
10. Пефтиев В. И. Либеральный этатизм в России: контуры феномена // Ярославский педагогический вестник. - 2013. - № 3, Т. I (Гуманитарные науки). – С. 68 – 72.
11. Ступникава М.Н., Федотов А.С. Либерально-консервативная концепция государства и Россия // Власть. – 2005. - №6. – С.65 -73.
12. Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности // Власть. - 2015. – №4. – С. 195 – 200.
13. Франк С.Л. Духовные основы общества: Сборник / С. Л. Франк; Сост. П. В. Алексеев. - М.: Республика, 1992 . – 510 с.
14. Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Общественные науки и современность. - 1993. – №3. – С.117 – 121.
15. Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. – Т.8. – 2004. – №3. – С. 36 - 55.

[1] Балзер Х. Гражданское общество и правовое государство // Общественные науки и современность.–2004.– №2. – С. 53; Громыко А. Третий путь - что дальше? // Современная Европа. – 2006. – №2. – С. 68; Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. - 2003. – №2. – С. 50.

[2] Пефтиев В. И. Либеральный этатизм в России: контуры феномена // Ярославский педагогический вестник.– 2013. – № 3, Т. I (Гуманитарные науки). – С. 68-72.

1. Balzer, H. (2004) Grazhdanskoe obshhestvo i pravovoe gosudarstvo [Civil society and the state of law] // Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social studies and the present]. - №2. - P. 46-59. (In Russ.)
2. Gombert, T., Blezius, Ju., Krell', K., Timpe, M. (2010) Kurs social'noj demokratii. Ch.1 [Course of social democracy] // Osnovy social'noj demokratii [Foundations of Social Democracy] - M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN). - 160 p. (In Russ.)
3. Gromyko, A. (2006) Tretij put' - chto dal'she? [The third way - that further?] // Sovremennaja Evropa [Modern Europe] - №2. - P. 62-71. (In Russ.)
4. (2000) Evropa-Rossija: osnovnye napravlenija social'nogo razvitija v HHI veke [Europe-Russia: the main directions of social development in the XXI century]. - M., - 117 p. (In Russ.)
5. Marks, K., Jengel's, F. (1955-1974) Cochinenija [Compositions]. T. 1-39. - M.: Izdatel'stvo politicheskoj literatury, g.g. - T. 25, Ch. I. - 554 p. (In Russ.)
6. Karozers, T. (2003) Konec paradigmy tranzita [End of a transit paradigm] // Politicheskaja nauka [Political science]. - №2. - P. 42-65. (In Russ.)
7. Krasin, Ju. A, (2004) Rossijskaja demokratija: koridor vozmozhnostej [Russian democracy: corridor of opportunities] // Polis [Policy]. - № 6. - P. 125-135. (In Russ.)
8. Mel'vil', A. Ju. (1998) Opyt teoretiko-metodologicheskogo sinteza strukturnogo i procedurnogo podhodov k demokraticheskim tranzitam [Experience of teoretiko-methodological synthesis of structural and procedural approaches to democratic transits] // Polis [Policy]. - №2. - P. 6 – 38. (In Russ.)
9. O'Donnel, G. (1994) Delegativnaja demokratija [Delegative democracy] // Predely vlasti [Limits of the power]. - №2-3. - P. 54-57. (In Russ.)
10. Peftiev, V. I. (2013) Liberal'nyj jetatizm v Rossii: kontury fenomena [Liberal etatism in Russia: phenomenon contours] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl pedagogical messenger]. - № 3, T. I (Gumanitarnye nauki). - P. 68-72. (In Russ.)
11. Stupnikava, M.N., Fedotov, A.S. (2005) Liberal'no- konservativnaja koncepcija gosudarstva i Rossija [Liberal conservative concept of the state and Russia] // Vlast' [Power]. - №6. - P. 65-73. (In Russ.)
12. Turin, E.A, Savinova, E.N. (2015) Nacional'nyj stil' razvitija politicheskogo processa v sovremennoj Shotlandii: k voprosu o shotlandskoj identichnosti [National style of development of political process in modern Scotland: to a question of the Scottish identity] // Vlast' [Power]. - №4. - P. 195-200. (In Russ.)
13. Frank, S.L. (1992) Duhovnye osnovy obshhestva: Sbornik [Spiritual bases of society: Collection] / S. L. Frank; Sost. P. V. Alekseev. - M.: Respublika. - 510 p. (In Russ.)
14. Chicherin, B.N. (1993) Razlichnye vidy liberalizma [Different types of liberalism] // Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and present]. - №3. - P.117-121. (In Russ.)
15. Shevcova, L. (2004) Kak Rossija ne spravilas' s demokratiej: logika politicheskogo otkataju [As Russia didn't cope with democracy: the logician political I will skate] // Pro et Contra [Pro et Contra]. - T.8. - №3. - P. 36-55. (In Russ.)